

Раньше Хо-дасао была с Чжао Сюцзюань в самых близких отношениях - что та ни скажет, всё принимала за чистую монету. Сама она была простодушной, прямолинейной женщиной, а Чжао Сюцзюань как раз мастерица притворяться, так что частенько именно по её наущению Хо-дасао ругала Хо Цзюя за неблагодарность, смотрела на него искоса, ни словом, ни взглядом не жаловала.

Но после того, как истинное лицо Чжао Сюцзюань было разоблачено, Хо-дасао постепенно стала замечать странности. Она постепенно пересказала мужу всё, что та когда-либо ей говорила. Муж выслушал, похолодел и строго велел ей впредь не слушать одну сторону, не быть доверчивой. Будучи старшей в семье, даже если невозможно быть абсолютно справедливой, нельзя показывать явное пристрастие - это лишь вредит родственным узам.

Вспомнив, как много лет её муж всегда был сдержан и рассудителен, Цянь-ши (Хо-дасао) торопливо закивала - виновата, поняла, что была ослеплена.

И вот, в этот раз за обедом Хо Цзюй впервые удостоился тёплого взгляда от старшей тётки. Он даже удивился, в его памяти она всегда была близка с Чжао Сюцзюань и относилась к нему резко, не стесняясь ни в тоне, ни в словах.

— Да что ж ты, далан, зови же своего супруга, чего стоишь-то? — окликнула она.

— Хорошо, спасибо вам, тётушка, — кивнул Хо Цзюй.

Хо-дасао с укором покачала головой:

— Ай, ты чего это, дитя, чего с тёткой-то на вы? Будто чужие...

Хо Яо тоже показалось, что солнце сегодня взошло на западе. Не иначе как у старшей невестки живот скрутило, а то как-то жутко она улыбнулась, аж мурашки пошли.

Лин Си тоже вспомнил, как при прошлой встрече старшая тётка вела себя с Хо Цзюем откровенно неприязненно. А сегодня что, проснулась другим человеком?

Ну да ладно, перемены Цянь-ши оставим на потом, сейчас главное, что стол ломится от вкусного. И Цянь-ши, и ее невестка Юй-ши - мастерицы не только по хозяйству, но и по кухне. Пусть до городских ресторанов по изысканности им далеко, но блюда их имели свою неповторимую деревенскую прелесть.

Семья Хо Юнфэна зарабатывала на продаже свинины, так что масла и мяса в доме хватало. Жирные куски томлёной свинины получались мягкими, буквально таяли во рту, не оставляя тяжести. А Лин Си особенно поразило появление на столе сладкой тушёной свинины с рисом Тяньшаобай. Толстые ломти свинины были надрезаны, но не до конца, внутри - сладкая начинка из красной фасоли. Всё это выкладывалось поверх клейкого риса, предварительно

обжаренного в коричневом сахаре, и готовилось на пару. Перед подачей блюдо слегка посыпали белым сахаром - оно блестело, источало аромат, да и на вкус было не хуже, чем в городских заведениях.

Лин Си взял большой ломоть свинины и положил в рот - жирная, но совсем не приторная. А следом ложку клейкого риса - мягкий, ароматный, с легкой сладостью. Это блюдо точно пришлось бы по вкусу женщинам и детям, да и пожилые наверняка съели бы не один кусочек.

— Ммм! — Лин Си не удержался и показал большой палец. — Очень вкусно!

Старшая невестка, услышав похвалу, слегка покраснела.

— Это я у своей матери научилась, у нас на юге такие блюда любят. Я-то всё боялась, что вам не по вкусу будет.

Лин Си припомнил, что когда-то читал в книгах - это, похоже, одно из блюд сычуаньской кухни.

— Очень вкусно! — поддержала её Хо Яо. — Наш Сяньба точно обожает такое!

Старшая невестка радостно улыбнулась:

— Потом я вам расскажу, как готовить. Захотите - сами сделаете.

— Вот это отлично! — обрадовалась Хо Яо. — Гляжу на это блюдо - цвет яркий, насыщенный, да ещё и праздничный какой. В самый раз подойдёт для праздничного стола на вашем пиру.

Лин Си в это время только успел отправить в рот очередную ложку риса, но почувствовал взгляд тётки. Он локтем подтолкнул Хо Цзюя. Тот кивнул и сказал:

— Хорошо.

Затем повернулся к невестке:

— Старшая невестка, научи потом, как готовить.

За столом все, как по команде, замерли, положив палочки. Взгляды один за другим обратились к Хо Цзюю, а затем к Лин Си. Хо Чаншэн, помогавший Хо Цзюю с ремонтом дома, знал, что Лин Си готовит из рук вон плохо - каждый день они работали вместе, ели пищу, приготовленную тётками, но до этой минуты он как-то и не задумывался: если Лин Си готовить не умеет, то чем же тогда питались они в горах?

Хо Яо тоже быстро сообразила: Хо Цзюй с детства жил под гнётом Чжао Сюцзюань, которая заставляла его делать всё подряд, как раба. О каком «благородный муж держится подальше от кухни» могла идти речь? Чжао Сюцзюань все хлопоты сваливала на Хо Цзюя, как на вьючное животное. Дядя и тётя тоже вспомнили: однажды, заглянув к Чжао Сюцзюань, тётка увидела, как Хо Цзюй сидит в комнате и что-то зашивает. Раз способен держать в руках иглу, с поварёшкой он уж точно управится.

Все одновременно в сердцах выругались: проклятая Чжао Сюцзюань!

Поняв, что их всех ловко обвели вокруг пальца и они столько лет ошибались на счёт Хо Цзюя, теперь, вспоминая, как плохо к нему относились, как бросали в него обидные слова, они будто чувствовали, как всё это, словно обратная стрела, вонзается в их собственные сердца. Чем яснее становились подробности прежних страданий Хо Цзюя, тем сильнее мучила совесть, особенно его тётку. Она буквально изнывала от стыда, мысленно проклиная Чжао Сюцзюань последними словами, приписывая той все свои ошибки.

Хо Юндэн с этой своей женой - настоящие мерзавцы!

Атмосфера за столом становилась всё напряжённее. Тогда, чтобы разрядить обстановку, глава семьи Хо Юнфэн первым прервал тишину. Он отпил глоток вина, прочистил горло и заговорил:

— Кхм... Далан, хоть ты теперь и живёшь отдельно, но остаёшься частью рода Хо. Сейчас у тебя появился дом, ты взял в супруги хорошего человека, значит, пора становиться настоящим мужчиной, опорой семьи, нести ответственность за своё хозяйство. Через пять дней вы устройте пир, и, хоть у дяди твоего нет богатых подарков, я беру на себя всё мясо для стола. Считай, это мой свадебный подарок вам.

Едва он сказал это, выражения лиц у всех членов семьи изменились. Жена Хо Юнфэна первой почувствовала укол боли в сердце: такая щедрость была прямо по ее карману. Она уже открыла было рот, чтобы возразить, но, вспомнив недавнее раскаяние и стыд, с трудом сдержала себя, сжала губы и не сказала ни слова. Кузен с женой незаметно поглядывали на Цянь-ши, мать семейства. Увидев, что та не выразила недовольства, а значит, молчаливо согласилась, решили и сами держать язык за зубами: раз старшие молчат, младшие тем более не имеют права возражать.

Хо Яо, услышав от брата столь щедрое предложение, боясь, что молодые смутятся, поспешила взять инициативу в свои руки и радостно ответила от их лица:

— Вот это я понимаю - настоящий родной дядя, щедрый человек! Далан, чего ждёшь? Благодарю дядю! Такой подарок только родной человек сделать может. Не то что твой никчёмный отец, и медяка жалко, всё в кулак зажимает. Его эта хитрая змея-жена до нитки обдерёт, вот увидишь!

Лин Си не удержался от смеха: эта младшая тётушка, как всегда, умела и похвалить, и уколоть, причём мастерски, одним махом.

Хо Цзюй, как и положено воспитанному племяннику, тут же поднял чашу, чтобы поблагодарить старшего дядю за щедрость. А тот, и без того польщённый лестью младшей сестры, да ещё и получив уважение от племянника, вдруг почувствовал себя прямо-таки великим человеком. Даже прежняя жалость к затратам растаяла, как вино на языке.

Обед удался, все остались довольны. Хоть Хо Цзюй и держался крепко, Лин Си не позволил ему выпить лишнего: все знали, что у того травма, он лечится, и потому никто не настаивал.

— Дядюшка, если вам не хватает компании за рюмкой, я могу выпить с вами, — сказал Лин Си, протягивая руку к чаше в руке Хо Цзюя.

Тот, оставшись с пустой ладонью, уставился на Лин Си с намерением что-то сказать, но промолчал, только взгляд его стал чуть мягче и теплее.

— В семье не стоит соблюдать лишние формальности, — добродушно махнул рукой Хо Юнфэн.
— У далана и правда рана, ему нельзя пить. А ты, как-никак, всего лишь молодой гер, куда тебе с алкоголем тягаться, не нужно себя пересиливать.

Лин Си мягко улыбнулся, но, поднимая чашу, намеренно наклонил её чуть ниже, уважительно чокаясь с дядей:

— Без принуждения. У меня, правда, неплохая выносливость к спиртному.

Местное рисовое вино, по сути, напоминало сладковатый лаоцзао, что-то вроде разбавленного саке. По меркам Лин Си оно и вовсе походило на слегка согревающий напиток, почти как десерт. А вот для Хо Юнфэна и остальных, рожденных и выросших здесь, это был привычный, но всё же алкоголь.

Лин Си продолжал спокойно, улыбаясь, пить за компанию и в итоге уложил всех троих за столом. Сам при этом не покраснел, не пошатнулся, даже взгляд остался ясным. Женщины, сидевшие поодаль и занятые разговором да закусками, наблюдали за происходящим с полным изумлением. Особенно Хо Яо. Её муж, Чжоу Шунь, человек немногословный, но с отменной выносливостью к вину, прежде сам умел одного за другим валить под стол. А теперь впервые в жизни оказался побеждённым, да ещё не кем-то, а супругом собственного племянника.

— Л-Лин Си... ты точно в порядке? Не вздумай делать вид, что всё хорошо! — с тревогой оглядела его Хо Яо.

Лин Си и впрямь был как огурчик, ни капли смятения на лице. Слегка улыбнулся, невозмутимо ответил:

— Всё в порядке. Я помогу вам прибрать со стола.

С этими словами он поднялся, закатал рукава и проворно взялся за остатки угощения, словно вовсе и не пил ни капли вина.

— Ай-ай-ай, ты сядь, отдохни! — спешно подскочила старшая тётка, преграждая Лин Си путь.
— Мы тут сами всё приберём.

Старшая невестка тоже с недоверием поглядывала на Лин Си: слыхала она про таких - вроде на вид трезвые, а потом как свалятся, и беды не оберёшься. Да и выпивший человек часто сам не замечает, как у него ноги подкашиваются. В итоге трое женщин сговорились и решительно не подпустили Лин Си к уборке. Наперебой велели Хо Цзюю как следует приглядеть за своим супругом и бодро начали собирать со стола и убирать остатки пиршества.

Лин Си развёл руками, улыбаясь с досадой и лёгким недоумением, затем повернулся к Хо Цзюю:

— Я и вправду не пьян. Почему они мне не верят?

Хо Цзюй не ответил. Его взгляд задержался на Лин Си - губы слегка потемнели от вина, в глазах мелькали задор и озорство, будто он заигрывал с огнём. Удлинённые глаза феникса сияли искрами света, а крошечная родинка на нижнем веке то появлялась, то снова скрывалась под ресницами, словно играла с ним в прятки.

У Хо Цзюя сдавило в горле, кадык подрагивал от сдерживаемого волнения. По загорелой коже на шее полз румянец, вены будто вздулись под кожей - не от злости, но от чувства куда более беспокойного. Что-то дикое и неосознанное проклюнулось в нём, что-то, что он из последних сил пытался удержать на привязи.

Как зверь в клетке, изнемогающий от ярости и желания вырваться наружу.

Лин Си не услышал ответа и с недоумением взглянул на Хо Цзюя. Тот поспешно отвёл взгляд, будто опасался, что в его глазах слишком легко читается то, что он изо всех сил пытался скрыть. Но в этом движении он невольно обнажил шею - крепкую, жилистую, с отчётливо проступающими венами и кадыком, дрожащим в беззвучном глотке. Эта мимолётная картина будто зарядила раскалённой стрелой в сознание Лин Си.

Вино, что прежде казалось лёгким и безвредным, внезапно будто хлынуло всей своей крепостью прямо в кровь. Как искра в сухую хворостину - вспыхнуло, охватило жаром, распространилось до самого кончиков пальцев. Лин Си ощутил, как сердце застучало в груди, глухо и стремительно, будто барабаны на поле боя. Он поспешно прижал ладонь к груди, пытаясь унять этот ритм. Пальцы ощущали пульс, сбивчивый, неистовый. И в голове промелькнула нелепая мысль, а вдруг от такой тахикардии можно и помереть?

— Ик! — плечи дёрнулись, и он неожиданно пьяно икнул.

Лин Си резко распахнул глаза, взгляд стал ясным, почти трезвым, мысли ворвались в тишину головы одна за другой. Что это было? Что... что со мной? Неужели... у меня начинается жара?

Или... он просто опьянел?

В конце концов, алкоголь после апокалипсиса был редкостью. Как и сигареты. Лин Си никогда не курил, но к вину всегда относился с интересом. Особенно когда отправлялся на задания в те мрачные, беспорядочные места, что остались за гранью закона и морали. Там, где властвовали хаос и насилие, порой можно было наткнуться на самые дешёвые, мерзкие попойки, но бывало и так, что удавалось отведать настоящий, редкий нектар. Такую роскошь не каждый мог себе позволить. Ему же повезло, он однажды попробовал: густой аромат, мягкий вкус, долгое, пьянящее послевкусие. Одна такая чашка способна вознести на небеса. Всё тело окутывает лёгкость, мысли ускользают, чувства обостряются до предела. Мир будто тает. Тогда он понял, почему одни идут по головам, творят зло, лишь бы стать сильнее других - ради этого ощущения вседозволенности, власти и свободы.

И всё же... сейчас было немного иначе.

Тот рисовый самогон, что он пил за ужином, и близко не тянул на ту утончённую благородную хмельную роскошь. Обычное крестьянское вино, не дурное, но и не изысканное. Значит, не от алкоголя. Лин Си задумался, сверяя ощущения и даты. Если это не хмель, то...

Жара начинается? — мысль вспыхнула в голове.

По подсчётам, вроде бы ещё рано. Даже если сдвиг, то не настолько. Он не мог найти другого объяснения. Ведь ни с того ни с сего кровь взыграла, сердце забилося так, будто кто-то ударил в барабан прямо в груди. Каждый нерв будто ожил, наполнился необъяснимой жаждой, движением, звуком, прикосновением.

И потому он утратил самоконтроль: рука сама собой поднялась, кончики пальцев коснулись дрожащего кадыка мужчины, и мягкая подушечка пальца, не готовая к такому, словно обожглась.

Хо Цзюй резко перехватил его запястье - хватка была грубой и неожиданно сильной. В его глазах вспыхнул хищный, кровавый блеск; он уставился на Лин Си, как волк, почуявший кровь. Сердце Лин Си тяжело ухнуло, зрачки расширились, дыхание стало глубоким и частым. Он вовсе не заметил боли в руке и не увидел, что тонкое, белое запястье уже покраснело под пальцами мужчины.

Он облизнул пересохшие губы. Хотя всего минуту назад он был сыт, внутри вдруг поднялось необъяснимое чувство голода. Его взгляд, устремлённый на Хо Цзюя, ничем не отличался от ответного, их глаза встретились, словно два хищных зверя, столкнувшиеся на охоте лицом к лицу.

Напряжение повисло в воздухе, и казалось, что схватка может начаться в любую секунду.

И тут Лин Си внезапно всё понял. Сигнал голода исходил не от желудка, он шёл от всего тела. Он жаждал мужчину перед собой так же, как голодный жаждет пищи. Он ещё не осознавал причины, но звериная половина его крови уже действовала на одних инстинктах.

Троих опьяневших мужчин женщины давно увели в комнаты отдохнуть. Дети, наевшись, убежали во двор играть с цыплятами и утятами. В кухне женщины убрали посуду, и время от времени оттуда доносился их негромкий смех. В просторной главной комнате остались лишь они двое. В отличие от беззаботной кухни со смеющимися женщинами здесь в воздухе стояло напряжение, как от схватки двух обнажённых клинков. Не выдержав тишины и внутреннего жара, молодой первым перешёл к действию. Лин Си наклонился стремительно, решительно, без малейшего колебания. Мужчина не успел среагировать, рука метнулась в защитном движении, но не успела: юноша нацелился вовсе не туда, куда он ожидал.

Целью стал кадык.

Тёплое, влажное прикосновение охватило чувствительное место, и в следующее мгновение температура резко подскочила - настолько, что, казалось, обожгла кожу. И вот тот самый упавший в сухой хворост уголёк наконец разгорелся. От этого едва уловимого соприкосновения огонь перекинулся и на мужчину. Две пылающие стихии слились в одно пламя, сплелись и уже невозможно было понять, где кончается одна, и начинается другая.

<http://bllate.org/book/13580/1204880>